Александр СТАРОСТИН

Философия элитологии: новое направление философских исследований

В современном мире и научном познании быстро растет интерес к элитам, прежде всего – политическим, административным, бизнес-элитам, интеллектуальным, военным, элитному слою средств массовой информации и элитам новых, нарождающихся креативно-инновационных областей деятельности. Этот интерес выражается в научном и шире в аналитическом дискурсах: появились и быстро развиваются элитологические исследования в политологии, социологии, психологии. Сами элитологические исследования не только включены в процесс научно-предметной дифференциации, наметились и интеграционные течения*. Это позволяет утверждать, что «комплексной научной дисциплиной, все более претендующей на самостоятельный статус, является **элитология**» [Ашин, Понеделков, Старостин, Кислицын, 2013. С. 5].

Статус элитологии в ее интегративной и дисциплинарных проекциях уже достаточно, на наш взгляд, определен, чтобы сформировать собственную область прикладных исследований – **философию элитологии**. Когнитивный опыт, накопленный во многих областях научного познания и зафиксированный в современной философии науки, показывает, что данная логика развития, характерная в том числе и для элитологии, носит типичный характер.

Философия элитологии, если определять ее в первом приближении, – это социально-когнитивная область, основывающаяся на принципах приоритетного направляющего воздействия на процессы изменений социального бытия со стороны «продвинутых», выделяющихся интеллектуальными и волевыми качествами социальных групп-элит. Либо это принцип ***возможности влияния*** на усложняющееся, в перспективе все усиливающееся социальное развитие элитных групп, опирающихся на осознанно культивируемые, усложняющиеся духовные практики (***социальная демиургия при посредстве социальной цефализации***[**]).

Анализ данной социально-гуманитарной позиции, философской по звучанию, опирается на предпосылки элитистской или элитологической парадигмы, контуры которой уже просматриваются в ряде областей социально-гуманитарного знания (политологии [Старостин, 2009. С. 258–266], социологии, истории, психологии).

Методологическая база элитологической парадигмы связана с известной в политической и социальной философии оппозицией элитарного и эгалитарного начал.

Дилемма «элитизм-эгалитаризм» является основополагающей для философии и обществознания. Эгалитаризм исходит из идеи равенства имущественного положения, социальных возможностей или результатов

* Определенным свидетельством этого является проведение в г. Ростове-на-Дону 7–8 октября 2013 г. I Всероссийского элитологического конгресса с международным участием «Элитология России: современное состояние и перспективы развития» на базе Южно-Российского института – филиала РАНХиГС.

** Термин «цефализация» используется основоположниками концепций ноосферы и обозначает нарастающее значение роли головного мозга и центров продуцирования идеальных образов в процессе исторической эволюции животного мира и человеческого общества.

Александр Старостин, заместитель директора Южно-Российского института – филиала РАНХиГС, доктор политических наук, профессор (344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70). E-mail: dopobr@skags.ru) phone 8-906-439-78-56

Аннотация: В статье обозначен основной предмет исследований в сфере философии элитологии как социально-когнитивной области. Она базируется на принципах и ценностях социального конструктивизма, реализуемых элитными группами в обществе, значимость и эффективность действий которых исторически возрастает (социальная демиургия при посредстве элитной социальной цефализации).

Ключевые слова: философия элитологии, философская инноватика, элитологическая парадигма, протоэлиты, элитная идентичность, элитарная личность

PHILOSOPHY OF ELITOLOGY: NEW TRENDS IN PHILOSOPHICAL RESEARCH

Alexander Starostin, Doctor of Political Science, Professor, Deputy Director of the South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Pushkinskaya street 70, Rostov-on-Don, 344002). E-mail: dopobr@skags.ru

Summary: The article outlines the main subject of the research in the philosophical domain of elitology as being that in a social and cognitive area and based on the principles and values of social constructivism, which are realized by elite groups in the society, whose significance and effectiveness is historically increasing (social demiurgic through elite social cephalization).

Keywords: philosophy of elitology, philosophical innovatics, elite science paradigm, protoelites, elite identity, elite person.

деятельности, им пронизано христианское вероучение. Светский эгалитаризм получил широкое распространение, начиная с буржуазных революций (Г. Бабеф, Ж.-Ж. Руссо и др.). Неслучайно Ницше не видел большой разницы между идеологией французской революции и социализмом с одной стороны и христианством с другой, которые он считал тождественными по духу и пронизанными «рабской моралью».

В эгалитаризме выделяются антропологические, ценностно-гуманистические, этические, экологические и иные основания. Влияние разных форм эгалитаризма приводило к утверждению различных форм демократического устройства и системы демократических ценностей. Отступления от этих форм, аристократизация, особенно в условиях высокой общественной динамики и массовой социальной стандартизации, приводили к «восстанию масс» и утверждению эгалитаризма в масштабе целых государств и их сообществ.

Элитистские идеи и установки вплоть до конца XIX в. развивались в рамках социально-философских концепций (Платон, Конфуций, Т. Карлейль, Ф. Ницше). В конце XIX – начале XX в. начинает формироваться элитология как научное направление (Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс, П. Сорокин, Н. Бердяев и др.). Элитизм основан на утверждении о естественном антропологическом, интеллектуальном, социальном неравенстве людей и их неизбежном расслоении на группы, среди которых доминирующая роль, несмотря на действие сдерживающих социальных механизмов, так или иначе отходит немногочисленной (2-5%) аристократической (или меритократической) группе, определяющей путем властного воздействия или иных форм воздействия пути развития общества. Наличие руководящего или «правящего» класса обусловлено все возрастающей ролью управленческой деятельности в обществе и неравными способностями и склонностями (желанием участвовать) различных людей в этой сфере.

Любая эгалитаристская вспышка в обществе заканчивается элитарным переделом, а «восстание масс» сменяется «восстанием элит» или «восстанием меньшинств».

Постоянная конкуренция и взаимная дополнительность элитизма и эгалитаризма побуждают к более глубоким поискам оснований человеческой природы и изучению переходных состояний («мягкий элитизм», «ограниченная демократия»). Российская социально-историческая практика дает для этого обширный материал.

Элитологический подход сформировался еще в конце XIX – начале XX вв. в острой полемике и оппозиции к марксистской методологии. Да и в первой половине XX в. он в социально-гуманитарном познании был недостаточно востребован. Эгалитарские и массово-демократические ценности оказывали мощное мировоззренческое воздействие на формирование как фундаментально-теоретических подходов (конфликтологический, бихейвиористский, системный и структурно-функциональный), так и приложений к системе социального управления. Поворот во второй половине XX в. от «восстания масс» к «восстанию меньшинств» [Московичи, 1998; Лэш, 2002] произвел методологическую ревизию, что вновь востребовало элитологический подход и заставило иначе взглянуть на движущие механизмы всего общества.

Как подчеркивает один из ведущих современных элитологов Д. Хигли: «... можно ожидать, что в последующие годы элиты в демократиях усвоят более осознанную элитистскую систему взглядов. Для тех, кто придерживается возвышенного эгалитарного видения демократии, это неутешительная картина, но я думаю, что она вероятна» [Хигли, 2006. С. 31].

Что касается конкретизации принципов элитологии на теоретическом уровне, то речь может идти о той или иной элитологической концепции. Некоторые из них появились в нашей науке и получили известность: концепция региональных элит Санкт-Петербургской (А.В. Дука) и Ростовской (А.В. Понеделков, А.М. Старостин) элитологических школ, концепция этнократических элит М.Х. Фарукшина, концепция социально-управленческих типов взаимодействия элит А.Е. Чириковой и Н.И. Лапиной, культурно-исторических типов элит О.В. Гаман-Голутвиной, концепция ценностной обусловленности деятельности элит А.К. Магомедова. Практически везде просматривается не только выход в широкий социально-политический контекст, но и достаточно конкретная характеристика российских политических процессов того или иного исторического периода. Иными словами, мы имеем дело и с конкретно-теоретическими, и с парадигмальными элитологическими конструктами, в совокупности создающими содержательный образ российской политики, реконструированной с позиции элитологии.

В политической элитологии доминируют две базовые доктрины: иерархическая (Р. Миллс) и полиархическая (Р. Даль).

В российской науке присутствует свой вариант, фиксирующий разнообразие моделей взаимодействия элит, который может быть обозначен как полицентрический.

В западной политологии и политической социологии доминирует институциональная (неоинституциональная) доктрина, тогда как российские элитологи, отталкиваясь от институтов, апеллируют к лидерам и лидерским командам, отчетливо сознавая слабость российских политических институтов и их формальную роль в элитогенезе.

Подобная доктринальная амбивалентность порождает инструментальную и оценочную двойственность в процессе операционализации концептов. Часть российского элитологического научного и экспертного сообщества исходит из институциональной идентификации российских элит, другая идентифицирует их в качестве неполноценных элит и антиэлит.

С нашей точки зрения, более доктринально-репрезентативной выглядит позиция о незавершенности про-

цессов институционализации элитогенеза, обозначение российских элит в качестве ***протоэлитных сообществ***. Более соответствующей в этом случае будет все же полицентричная модель элит в многосоставном российском обществе.

Формирование внутриэлитных ценностных комплексов и идеологем призвано сплотить ту или иную элитную фракцию или элиту в целом, дабы не упустить доминирующие позиции в обществе.

В силу динамично нарастающей проблематики, напрямую связанной с определением национально-гражданской, государственной, этнической, конфессиональной, профессиональной идентичности, все большее значение приобретает идентичность элиты. Данная проблема становится одной из самых обсуждаемых в научном сообществе.

Элитная идентичность – это осознание принадлежности к элитному слою и вытекающие отсюда чувства избранности и ответственности за принимаемые решения, реализуемую политику и свое предназначение на всех уровнях – региональных, местных, общенациональных и даже мировых. Внутреннее самосознание и самоощущение становятся все более значимыми для властных элит различных государств, а также представителей экономической, научной, культурной, религиозной и иных базовых видов деятельности. Для индивидуума, укорененного в элитном слое, для того, кого социальный «лифт» вынес в этот слой, первостепенное значение приобретает ощущение (осознание) своей инаковости, своих качественно новых возможностей и миссии, определяемых этим положением. Такие внутренние состояние и установка, которые приходят на смену прежним ценностям демократического толка с его популизмом и социальной мимикрией элит, задаются сменой фаз социально-исторического процесса.

В современных элитологических исследованиях важен выход на лидерский уровень. Анализ особенностей политической деятельности российских элитарных личностей показал существенную незавершенность процессов элитогенеза в отношении сформированности его новых типажей. Очевидным изъяном в деятельности элитарных личностей в российской политике выступает их ориентация не на общегражданские принципы и приоритеты, а на командно-клановые и корпоративные.

Тормозом движения российской элиты к ее новому качественному состоянию оказывается не столько групповая сплоченность, политический и управленческий опыт, внутрифункциональные отношения, а уровень качества «человеческого материала». Это и побуждает ставить совершенно неразработанную проблему элитной личности и элитной идентичности в политике, равно как и в других ключевых областях.

На качественную сторону состава элит обращали внимание политологи, социологи, историки. Один из основоположников научной элитологии В. Парето подчеркивал, что люди, претендующие на принадлежность к элите, помимо власти и богатства должны иметь набор определенных качеств. Это, по его мнению, военная доблесть, происхождение, личное достоинство, искусство управления. Известный испанский философ начала XX в. Х. Ортега-и-Гассет относил к элите тех, кто обладает интеллектуальным или моральным превосходством, наивысшим чувством ответственности. Английский историк и философ А. Тойнби утверждал, что представителям элиты должно быть присуще творческое начало [Карабущенко, 2006. С. 30–32].

Обсуждая персоналистский аспект современного российского элитизма, следует отметить действие двух основных факторов, влияющих на его проявления и эволюцию. С одной стороны, это традиции российской власти, когда на протяжении нескольких столетий формировалось монопольное влияние авторитаризма и бюрократии, причем бюрократии не европейской, сформированной на правовых и профессиональных началах и ценностях, а евразийской – с ее традиционализмом, следованием образцам, доминированием чина и места в лестнице чинов и званий и «принципом кормления». Статусные позиции здесь абсолютно преобладают над личностными проявлениями. Личностное своеобразие – привилегия немногих. А желающие «высовываться» и самореализоваться быстро перемещаются на элитную периферию, в ряды духовной аристократии, компенсирующей свою обделенность чинами некоторой фрондой.

С другой стороны, это ориентация на нормы политической жизни и образцы поведения западных элит, быстрое усвоение методов и технологий продвижения в элиту и формирования элитарных личностей, ориентированных на политическую культуру активного участия, стиль жизни, присущий обществу массового потребления и массовой культуры. Это создает неповторимый облик российских политиков, которые ни на кого в мире не похожи.

Поскольку подлинная, основанная на социально-психологических, акмеологических предпосылках и показателях эффективности деятельности элитность в российских политиках пока недостаточна, то для широкого

В Южно-Российском институте-филиале РАНХиГС проведен I Всероссийский элитологический конгресс «Элитология России: современное состояние и перспективы развития» с участием международных исследователей. На мероприятии обсуждался вопрос качества управленческой элиты всех уровней. Выступления докладчиков касались различных тем, начиная от методологических проблем и инструментов, которые применяются в современных элитологических исследованиях, заканчивая проблемой деструктивной роли антиэлит в политических процессах, значением элит средств массовой информации в гражданском обществе.

Конгресс состоялся при участии ведущих ученых научно-образовательных центров Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, Москвы, Санкт-Петербурга, Калининграда и других субъектов Российской Федерации

круга конституэнтов и населения ее можно сымитировать, подать на уровне имиджа. Именно имитационно-имиджевая форма существования и подачи элитности продолжает оставаться ведущей в современной российской политике. Имитируется почти все: образованность, ученость, гражданственная направленность действий, эффективность и результативность политических решений и т. п.

Однако в становлении подлинной политической элитности есть свои закономерности, которые не удается обойти никакими «имиджевыми технологиями» и имитациями. К числу наиболее существенных мы относим факторы элитной социализации. Стержневой составляющей здесь выступает элитное образование, которое применительно к современной России имеет особую значимость. Как показала практика последних десятилетий, никакие внутренние перегруппировки и новые назначения выходцев из советской номенклатурной элиты оказались не способными сформировать ни образ, ни качество новой элиты. Претензии на руководство процессами демократизации и новой волны модернизации блокируются установками и схемами действий прежней политической культуры и отсутствием новой системы ценностей, предлагаемых время от времени новой элитой.

Изменить наблюдаемые тенденции в сторону большей открытости, публичности и профессионализма возможно в полной мере, задействовав факторы элитной рекрутации и элитной социализации, характерные для демократической политической культуры.

Стоит также прислушаться к важной методологической установке, высказанной еще М. Вебером применительно к становлению и развитию индустриального общества и культивированию технологических и экономических инноваций на этой платформе. Речь идет о «духе капитализма», «протестантской этике» и тому подобных ценностно-мотивационных факторах, которые классик противопоставлял «невидимой руке рынка», «основным противоречиям капитализма» и т. п., которые в большей мере выстраивались во внешнем, объективистском плане.

Резюмируя сказанное, подчеркнем, что опираясь на инструментарий философско-инновационной операционализации, мы имели возможность репрезентации историко-элитологических и современных элитологических конструктов в рамках различных элитологических концепций, направлений и научных школ в современной элитологии.

Развитие исследований представителями различных научных школ по означенным направлениям будет способствовать дальнейшему конституированию философии элитологии, развитию элитистской парадигмы и прикладных элитологических исследований в системе социально-гуманитарных наук.

Литература

Ашин Г.К., Понеделков А.В., Старостин А.М., Кислицын С.А. Основы политической элитологии. М.: Книжный дом Либроком, 2013.

Карабущенко П.Л., Карабущенко Н.Б. Психологические теории элит. М., 2006.

Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М., 2002.

Московичи С. Век толп. М., 1998.

Старостин А.М. Элитологическая парадигма в политической науке // А.М. Старостин. Философские инновации: концепция и основные сферы проявлений. Монография. Ростов-на-Д.: Изд-во СКАГС, 2009.

Хигли Д. Демократия и элиты // Полития. № 2 (41). Лето 2006.

References

Ashin G.K., Ponedelkov A.V., Starostin A.M., Kislitsyn S.A. *Osnovy politicheskoi elitologii* [The basis of Political elitology]. Moscow, Knizhnyi dom Librokom Publ., 2013.

Khigli D. Demokratiia i elity [Democracy and elites]. *Politiia*, 2006, no 2 (41).

Karabushchenko P.L., Karabushchenko N.B. *Psikhologicheskie teorii elit* [The psychological theories of elites]. Moscow, 2006.

Lesh K. *Vosstanie elit i predatel'stvo demokratii* [The revolt of elites and the treachery of democracy]. Moscow, 2002.

Moskovichi S. *Vek tolp* [The century of crowds]. Moscow, 1998.

Starostin A.M. Elitologicheskaia paradigma v politicheskoi nauke [The elitological paradigm in political science]. A.M. Starostin. Filosofskie innovatsii: kontseptsiia i osnovnye sfery proiavlenii [Philosophical innovations: concept and main areas of manifestations]. Rostov-on-Don, Izd-vo SKAGS Publ., 2009.

Дополнительная литература

Понеделков А.В., Старостин А.М. Введение в политическую элитологию. Ростов н/Д., 1998.

Старостин А.М. Философские инновации в когнитивном и праксеологическом контексте. М.: Книжный дом Либроком, 2013.

Старостин А.М. Философия социально-гуманитарных наук и инноваций: базовые модели / Социально-гуманитарное познание в контексте философской инноватики. Ростов н/Д.: Дониздат, 2013.

Старостин А.М. Социально-гуманитарные инновации в контексте философской прагматики. Монография. Ростов-на-Д.: Дониздат, 2012.

Старостин А.М. Эффективность деятельности государственной власти и управления (элитологический аспект). Ростов-на-Д., 2005.

Философская инноватика: поиски, проблемы, решения. Ежегодник. 2012. Ростов-на-Д.: Дониздат, 2013.

В следующем номере

«ГС» планирует публикацию рассуждений А.М. Старостина о социальном сциентизме «НУЖНА ЛИ НАУКА В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ?», родившиеся у автора при подготовке традиционных научных чтений памяти организатора науки и высшего образования на юге России Ю.А. Жданова.